

Фёдор ЧУДАКОВ

От редактора. В качестве приложения к очерку А.В. Лосева мы печатаем произведения Ф.И. Чудакова, демонстрирующие различные грани его творчества. Стихотворный фельетон «Сотворение Приамурья», которым открывается подборка, впервые (и единственный раз) опубликованный в газете «Амурское эхо» в 1915 году, относится к зрелому периоду творчества поэта. Он ярко иллюстрирует сатирический талант Фёдора Ивановича. Сегодня, спустя почти век, с такой громадной временной дистанции читатели «Амура» в полной мере могут оценить остроту, меткость и художественную силу сатирической поэзии Чудакова. Фельетоны Гусляра выдержали самое трудное испытание – временем. А всё потому, что перо сатирика нацелено не на бытовое мелкотемье, а на явления национально и социально значимые. Хотя фельетон «Сотворение Приамурья» воспринимался современниками как острозлободневный, обращённый к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической и политической ситуации в Приамурье и в России в целом, он до сих пор не утратил своей актуальности. В этом легко убедиться, соотнеся то, о чём Чудаков писал в начале XX столетия, с тем, что мы наблюдаем вокруг себя сейчас.

Стихи из сборника «Пережитое» (1909) составили вторую часть нашей подборки – по-настоящему сенсационную. Дело в том, что книжка эта считалась безвозвратно утраченной. Так, ещё совсем недавно, в октябре 2007 года, зав. литературным отделом Амурского областного краеведческого музея В.П. Рожкова утверждала, что «весь тираж сборника “Пережитое” был... изъят по распоряжению жандармских властей и, к сожалению, не сохранился» (Рожкова В.П. Талантливый поэт, неистовый журналист (К 120-летию со дня рождения Ф.И. Чудакова) // Приамурье – век двадцатый: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2008. С. 205). То же самое в своём незаконченном очерке, как мы помним, писал А.В. Лосев. К счастью, и Анатолий Васильевич, и Валентина Петровна оказались не правы. Сборник Ф. Чудакова «Пережитое» чудом сохранился, и читатели «Амура» имеют уникальную возможность познакомиться с ним – спустя без малого 100 лет после издания книжки.

Для данной публикации отобраны стихи, в которых отразились факты биографии Фёдора Ивановича, относящиеся ко времени его бегства из енисейской ссылки и первого года жизни в Благовещенске. Об этих событиях (знакомство со ссыльным Дмитрием Чернышёвым и его гражданской женой Варварой Протопоповой, побег на Амур, трагическая гибель товарища по революционной борьбе, любовь к Варваре Ипполитовне и т.д.) рассказывается в очерке А.В. Лосева. Стихи эти, относящиеся к раннему периоду творчества поэта, свидетельствуют о незаурядности художественного дарования Фёдора Чудакова и в сфере лирической поэзии.

СОТВОРЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ

Легенда¹

Растительный и животный миры Приамурья представляют интересную смесь некоторых тропических видов с видами, свойственными исключительно умеренному поясу.

(Из учёной книжки)

– «Ну, кажется, ладно! Хоть шар небольшой,

Но держится стройно и прямо!» –

Так, вновь испечённой любуясь Землёй,

Промолвил сияющий Брама². –

«Экватор и тропики зверем кишат,

В умеренном поясе пушки рычат,

Есть камень для каждой могилки

И край Туруханский для ссылки.

Пора пошабашить! Устал я, как вол,

И зол, как голодная фурия!»

– «Но, – вымолвил Сива, колебля престол, –

А как же насчёт Приамурья?

Лежит оно вот уж с какого числа

Пустынно и голо, как череп осла,

А это весьма некрасиво!» –

Так молвил насмешливый Сива.

– «Фу, язвите! – буркнул усталый творец, –

И впрямь получилась промашка!

А я в простоте-то уж думал конец,

Ан, смотришь, выходит затяжка.

Хоть край и таковский, а всё же... того...

Неловко пустым-то оставить его:

На свет его голым пусти ты –

Кто ж будет давать дефициты?

Мы эту ошибку исправим сейчас, –

Промолвил сияющий Брама, –

Там, кажется, много в запасе у нас

Осталось различного хлама.

Всё, что непригодно, отложено впрок,

Всё кучею свалим на Дальний Восток,

А что и куда там придётся, –

Начальство само разберётся.

Бракованных тигров отправим туда,

Медведей, волков и сохатых,

Набьём аферистов во все города,

А в рощи напустим пернатых.

Пусть зреет в том крае в положенный срок

И персик, и боб, виноград и чеснок,

¹ Печатается по изданию: «Амурское эхо». 1915. № 178. 13 (26) сентября. Подпись: Гусляр (один из псевдонимов Ф.И. Чудакова). – Примеч. редактора.

² Брама или Брахма – в индуистской мифологии высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов индуизма. В этой триаде Брахме как создателю вселенной противостоит Шива (в фельетоне Чудакова – Сива), который её разрушает. – Примеч. редактора.

И грецкий орех, и морошка,
 А также, конечно, картошка!
 В привольные степи напустим скота
 (Хоть он и подохнет там скоро),
 Да будет в Амурском лимане кета,
 А в зейском лимане – афёра!
 Засыплем бумагою вексельный край,
 И будет девизом там клич: «Не зевай!»
 И будут амурские воды
 При трении жечь пароходы!
 Дадим Приамурью мы семь городов
 С положенным кворумом стражи.
 Там будут обильны различных родов
 Растраты, убийства и кражи.
 Процент преступлений там будет высок,
 А около города будет острог,
 Чтоб житель без лишней заботы
 Шагал в арестантские роты.
 Насыплем там золота в русла ключей,
 В наносные мели, в овраги, –
 Пусть это заставит досужих людей
 Просить у правительства драги.
 А умные люди построят амбар,
 Сберут туда всякий негодный товар,
 И будут они, между прочим,
 Питаться китайским рабочим.
 И будет основой блага везде
 Китаец, отверженный парий.
 А там и проблема о «жёлтом труде»
 Родится в тиши канцелярий.
 И будут китайцев туда не пущать,
 Потом разрешать, и опять запрещать,
 А приставу будут доходы
 И с жёлтой, и белой породы.
 Всё лишнее в мире туда отдаю!
 Пусть зреет на Дальнем Востоке!
 И будет всё спутано в этом краю,
 Все климаты, числа и сроки.
 Тот край одарил я прещедрой рукой
 И – ладно! Довольно! Пора на покой,
 А что тут некстати аль кстати –
 Пускай разберётся Гондатти!»³

ПЕРЕЖИТОЕ

Стихи⁴

Майское...

У меня сегодня праздник!
 Ароматными цветами
 И берёзовой листвою
 я свой домик уберу.
 Обовью цветной гирляндой
 твой портрет в ольховой раме
 И усыплю пол цветами,
 ты войдёшь как по ковру.

³ Гондатти Николай Львович (1861-1946) – первый гражданский генерал-губернатор Приамурского края (1911-1917). – *Примеч. редактора.*

⁴ Печатается по книге: *Босяк. Пережитое. Стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с. Босяк – один из псевдонимов Ф.И. Чудакова. – Примеч. редактора.*

Растворю я настезь окна,
 чтоб дыханье незабудок
 И задумчивого мака,
 что растёт перед окном,
 Опьянило ароматом,
 усыпило твой рассудок,
 Чтоб его заморозило
 вдохновенным ярким сном.

Будет ночь своей загадкой
 к нам глядеть – немой свидетель
 Бурных вздохов и желаний
 распалившейся души.
 Будем ткать мы наши речи
 из узорных, ярких петель,
 Из стыдливых вожелений...
 приходи же, приходи!

* * *

Ты в трауре... Лицо твоё бледно,
 И тёмные полоски под глазами.
 Не плачь, о нём утешься! Всё равно,
 Его не воскресишь слезами!

Он был герой. Он мужественно пал
 В защиту драгоценнейшей идеи.
 Его народ своей надеждой звал,
 И трепетали фарисеи.

Предвидел он победу и восход
 Другого солнца из туманной дали.
 И сам погиб за солнце! Весь народ
 В твоей участвует печали.

Он был герой. О нём ты не грусти!
 Его не воскресишь слезами!
 Сильнее будь! Иди и мсти!
 Иди за нами!

Смерть Икара

Труссы смеялись, а смелые руки ломали
 От рокового бессилья.
 Он умирал... Алые струйки сбегали
 С лика на белые крылья.

Труссы смеялись. «Безумец!» они говорили,
 «Люди слабы и ничтожны!
 Им ли стремиться к стихийной и пламенной силе?
 Пользуйся тем, что возможно!»

Старый мудрец, потерявший и счёт своим летам,
 Молвил зловещее слово:
 «Дерзость, невнятную мудрым и дельным советам,
 Боги карают сурово!»

Юноша молвил: «Он жаждал достичь идеала.
 Нужны ль ему оправданья?»

Дева младая... она ничего не сказала:
 Грудь ей давили рыдания...

Тюремные мотивы

Тянется время тоскливо...
Там, за чугунной решёткой
Хмурый солдат молчаливо
Бродит усталой походкой.

Сердце изныло в неволе...
Душу тоска истомила...
Смерть приходила бы, что ли
Смерть и сырая могила...

Воля! Звездою падучей
Ты пронеслась предо мною.
Замер призыв твой могучий
К славе и к бою.

Из пережитого

Стон последнего аккорда
Утонул в туманной дали.
Ты откинул скрипку гордо
И умолк. А мы... рыдали...

Всё отчаянье изгнания
И ночей бессонных муки,
Всё гигантское страданье
Воплотил ты в эти звуки.

И какой щемящей болью
Эти звуки сердце сжали
И постыдному безволю
Грозной мстью угрожали!

Да, безволю! Как обидно
Было в этом признаться!⁵
Ты сказал нам песней: «Стыдно!
Стыдно лени предаваться!»

«Мы еще сильны и юны!
Поспешим на помощь братьям!»
И тоской гремели струны,
И презреньем, и проклятьем.

Бездну нашего паденья
Мы внезапно увидали.
И в минуту пробужденья
Лишь рыдали... лишь рыдали...

Побег

I

Раздался день весенний... По отрогам
Прибрежных гор бродил седой туман.
Казалось нам: угрюмый великан
Дорогу ищет к сказочным чертогам.
Наш длинный плот, пловучий⁶ караван,

Скользил вперёд, туда, где над порогом,
Над пеной волн, застыл в молчаньи строгом
Царь здешних гор – нахмуренный Неван.
Тайга кадила вешним ароматом...
Вдали звенели крики журавлей...
Цвели цветы, и в воздухе, объятom
Дремотою и запахом полей,
Как первый гром, как мощный голос Бога,
Гремел прибор могучего порога.

II

Я ночевал в заброшенной юрте,
Вдали от сёл, в тайге непроходимой.
Я был один, печальный, нелюдимый,
Беглец, послушный лишь своей мечте.

Висела ночь... Покой ненарушимый
Царил вокруг... В небесной высоте
Горели звёзды, милые, как те,
Что светят там, в стране моей родимой!

Усталых членов не касался сон...
И думал я: окончены страданья,
Я волен вновь! И тихие рыданья
Спирали грудь и вырывались вон!
Да, я рыдал перед лицом природы
В глухой тайге, в преддверии свободы!

III

Пойдём со мной, товарищ! Тает ночь!
Далёких гор уж видны очертанья.
В своей груди могучего желанья
Я не могу, не в силах превозмочь.

Я весь в огне, горю от ожидания,
И более терпеть уже не в мочь.
Пойдём со мной! Пойдём скорее прочь
Отсюда, где так велики страданья!

Ты слышишь... там... кричит локомотив...
Ты видишь – дым... то дым родных пожарищ...
Ты слышишь – песня... то родной мотив...
Скорей, скорей пойдём со мной, товарищ...
Уж тает ночь... Пора! Пойдем вперёд,
Туда, где жизнь ликует и поёт!

* * *

Крепок мой посох дубовый.
Крепче – могучая грудь.
Путь предо мною суровый,
Тягостный путь!
Время бесплодных исканий
И фантастических грёз
В сером тумане скитаний
Долго я нёс.
Луч путеводного света
Там, где базальтовый кряж...
Только оазис ли это
Или мираж?
Тягостный путь беспределен...
Дорого отдых куплю!
Может быть, путь мой бесцелен.
Не отступлю!

⁵ Так в тексте, хотя здесь напрашивается слово «признаваться».

– Примеч. редактора.

⁶ Так в тексте. – Примеч. редактора.